
Владислав БАЧИНИН

АНТИ-НИЦШЕ: идея «смерти» Бога как продукт троллинг-стратегии

Статья пятая. Контрапункт теодицеи и теоморта

Радикальная лжетеология «смерти» Бога – реанимация ницшевских интеллектуальных химер

Если бы легендарному доктору Фаусту, современнику Мартина Лютера, чернокнижнику и богоборцу, довелось дожить до наших времен и он пожелал бы создать свою собственную теологию, то, скорее всего, на свет явилась бы теоретическая конструкция, как две капли воды похожая на возникшую в середине 1960-х годов теологию «смерти» Бога, называемую одновременно радикальной и негативной теологией. Она оказалась выстроена в полном соответствии с духом фаустовской трансгрессии и фаустовско-мефистофелевского ресентимента. Ее главная цель заключалась в том, чтобы придать постмодернистскому дискурсу повышенную деструктивную ответственность. Для этого требовалось активировать ниспровергательский запал идеи «смерти» Бога. И это было сделано в полном соответствии с ницшевским принципом домино — «подтолкни падающего». Все, что еще сохранялось от пятивековой классики модерности, должно было окончательно обрушиться под антигуманитарным натиском негативной теологии.

Ее создатели, Уильям Гамильтон и Томас Альтицер, вместе с рядом примкнувших к ним теологов, решили организовать нечто вроде богословского перформанса, разыгрывающего сцену исполнения приговора, вынесенного Богу-Отцу в заключительной части мирового судебного процесса над Ним. Их манили люциферические лавры знаменитых богоборцев прошлого. При этом богословские радикалы пошли гораздо дальше своих предшественников и уже не пытались адаптировать классическое хри-

Владислав Аркадьевич Бачинин — доктор социологических наук, профессор, Окончил философский факультет ЛГУ и аспирантуру Института философии РАН. Автор более 700 опубликованных работ по теологии, философии и социологии культуры, в том числе более 50 книг, среди которых: «Достоевский: метафизика преступления» (2001), «Малая христианская энциклопедия». Т. I–IV (2003–2007); «Девиантология и теология: от Библии к Достоевскому» (Saarbrücken, Deutschland, 2012), «Теология, социология, антропология литературы (Вокруг Достоевского)» (2012), «Мистерия гуманитарной аномии. Духовная война интеллектуалов» (2014), «Протестантская этика и дух остмодернизма» (в соавт.) (2015), «500 лет спустя, или 95 тезисов о Реформации, модерности и великой христианской депрессии» (2016), «Европейская Реформация как духовная война. Теология генезиса modernity» (2017). Постоянный автор журнала «Нева». Победитель конкурса философских трактатов на тему «Возможна ли нравственность, независимая от религии?», проведенного Российской академией наук (Институт философии). Живет в Санкт-Петербурге.

стианство к духовному уровню секулярного человека. Они пожелали полной зачистки теологического пространства от всего библейско-христианского опыта. Их не смущало то, что им совершенно нечего противопоставить этому опыту, что их собственный духовный багаж непомерно скуден, не располагает запасами альтернативных ценностей и смыслов, что после такой зачистки останется зияющая пустота. Они разыграли свой теологический спектакль, больше похожий на спецоперацию по ликвидации тринитарного богословия, по кардинальной переоценке личности Бога-Отца и по ревизии ключевых основоположений христианства.

Главные положения негативной «теологии» свелись к нескольким тезисам. Вот они, вместе с их сутью.

1. Отрицание трансцендентной реальности

Сверхъестественная, запредельная, трансцендентная реальность не фиксируется органами чувств, не обладает достоверностью и потому не может считаться существующей. Сама идея трансцендентного неприемлема для современного человека, который, будучи реалистом, материалистом, эмпириком и прагматиком, обязан исключить ее из своей мировоззренческой сферы. Вместе с нею «за скобки» бытия должен быть вынесен и трансцендентный Бог-Отец. Замкнутый на Себе, пребывающий в состоянии отчуждения от человека, Он абсолютно чужд нуждам людей, и потому Его отсутствие, то есть «смерть», не способно вызвать у большинства из них чувств печали. Реликты старой веры в потустороннего Бога отрывают христиан от реалий своего времени, а это не должно быть. Трезвое же понимание того, что Богу предназначено умереть, как и всему на свете, свидетельствует о рациональном здравомыслии.

Поскольку трансцендентность обычно отождествляется с божественностью, то Бог-Сын, Иисус Христос, также подлежит лишению трансцендентного статуса вместе с бессмертием и должен рассматриваться как умерший Сын Человеческий.

2. Идея самоуничтожения Бога-Отца в воплощенном Боге-Сыне

В воплощенном Христе ветхозаветный Бог совершил сошествие из трансцендентности в профанность, растворился в мирском и перестал существовать в своем прежнем качестве. Он опустошил себя, лишился своей изначальной жизненной силы, обратился в безжизненное ничто. Т. Альтицер с явным удовольствием пишет: «Современный христианин может провозгласить благую весть о смерти Бога и говорить с радостью об окончательном завершении самоуничтожения Бога»¹.

Для чего радикалам потребовалась идея самоуничтожения Бога? В свое время Ницше утверждал, что «мы убили Бога». Но радикалы не пожелали брать на себя ответственность за богоубийство и — даже более того — захотели вообще снять вину с человека и возложить ее на Бога-Отца. Так возникла абсурдная мысль о Его самоубийстве: мол, на кресте вместе с Богом-Сыном добровольно умер и Бог-Отец. Эта двойная смерть будто бы освободила людей от пустоты и мрака бесчеловечной трансцендентности. И хотя она одновременно погрузила их в духовную пустоту и мрак обезбоженной земной жизни, этого не следует страшиться. Самоубийство Бога-Отца, умершего во Христе, — это всего лишь продолжение страданий Бога-Сына.

Негативная теология расценивает признание добровольной смерти Бога-Отца в Боге-Сыне как акт «здорового мышления» и даже как проявление духовной отваги.

3. Идея несовместимости человеческой свободы с тиранией самовластного Бога-Отца

«Нерелигиозный христианин», признающий смерть Бога-Отца, несравнимо свободнее тех, кто продолжают относиться к Христу, Благой Вести, Новому Завету с прежней верой. Обнаруживая дефицит здравомыслия, они платят за это отрывом от реальности.

¹ Альтицер Т. Смерть Бога. Евангелие христианского атеизма. М., 2010. С. 92.

«Смерть» Бога-Отца открывает перед человеком беспрецедентные, недоступные прежде просторы свободы. При этом радикальных квазитеологов не смущает, что они всего лишь воспроизводят старый карамазовский тезис о том, что если Бога нет, то все позволено, вплоть до антропофагии.

В свое время классики протестантской теологии Мартин Лютер и Жан Кальвин, а ближе к нам Карл Барт писали ярко и сочно. Делали они это не ради красот риторики, а в соответствии с пониманием того, что точное, меткое литературное слово способно проникать гораздо дальше мозга, задевать и волновать чувства, касаться сердца и заставлять его биться быстрее. Именно таково библейское Слово, которое входит в человека, не только в его мозг, но и душу, сокрушает нечистую совесть, разрывает на части сердце или, напротив, возрождает его к новой жизни.

Не таков, однако, язык радикальных «теологов». Их довольно корявая стилистика заставляет слова лишь на короткое время прицепляться к сознанию, подобно колючкам чертополоха. Но они столь чужеродны для неповрежденного атеизмом разума, что их, а вместе с ними и всю лжетеологию «смерти» Бога, хочется немедленно отбросить далеко в сторону и более не вспоминать.

Теоретики «смерти» Бога фактически двигались по следам Ницше, восхищались диогеновской бесцеремонностью его «Веселой науки», восторгались интеллектуальной дерзостью этого летящего в пропасть рассудка, бравировавшего своим inferнальным полетом и приглашавшего всех желающих присоединиться, чтобы обрести запредельный опыт приобщения к мировому злу. Решившиеся на аналогичную интеллектуальную авантюру, но лишённые философско-поэтических дарований гениального безумца, они не смогли создать ничего выдающегося. Все, на что они оказались способны, — это выстроить нелепую, унылую умозрительную конструкцию еще одной версии старого теоморта.

Альтицер оставил примечательное признание, проясняющее вопрос об истоках его личного интереса к теме «мертвого» Бога. Он сообщил, что впервые раскрыл для себя христианскую основу идеи «смерти» Бога благодаря герою романа Достоевского «Бесы» Кириллову². То есть получается, что спустя столетие дикая богоборческая фантазия русского путаника, не сумевшего разобраться в своих отношениях с Богом, безнадежно заблудившегося в смыслах бытия и бездарно погибшего в тупике безверия, произвела столь же дикую богоборческую квазитеологию американского путаника. Появилось еще одно свидетельство вопиющей аномалии — присутствие в теологии поздней модерности неверующих исследователей. Не имеющие личных отношений с живым Богом, глухие к миру библейского откровения, чуждые христианскому интеллектуальному опыту, они насквозь пропитаны мирским духом. Даже приобретенное многими из них базовое богословское образование не защищает их от богоборческих интервенций секулярного духа. Результаты этих вторжений оказались печальны: на глазах у всех они превратили христианское богословие в антихристианскую лжетеологию. В их переинтерпретациях библейско-христианского опыта отношений человека с Богом нет никакой теоретической новизны. Выставляется напоказ практика деконструирования ключевых библейских основоположений, касающихся Бога-Отца. Зловещая поговорка о том, что лучший враг — это мертвый враг, перенесена лжетеологами на Бога, объявленного противником людей, переправленного в стан врагов, обвиненного во всех мыслимых и немыслимых преступлениях и осужденного осата-невшими судьями на «смерть».

Главным их тех методов, которыми создавался «упорядоченный хаос» теории «смерти» Бога, был старый ницшевский метод смысловых подмен. Если вдуматься в смысл выражения «теология смерти Бога», то обнаруживается, что ни одно из этих трех слов

² Там же. С. 141.

не соответствует своему базовому смыслу и потому должно быть либо взято в кавычки, либо заменено на другое понятие, более соответствующее сути обсуждаемых вопросов.

Слово «теология»

Теория радикалов не была теологией. Ее место заняла концепция, пронизанная богоборческим настроем и уже только по одному этому признаку не имеющая права числиться по ведомству теологии. Данную конструкцию даже нельзя назвать вариантом экстремального богословия, поскольку этому препятствует сама ее сосредоточенность на чуждой христианству теме теоретической аннигиляции Бога-Отца.

Здесь опять вспоминается тот капитан из «Бесов» Достоевского, который в сердцах заявил: «Если Бога нет, то какой я после этого капитан». Однако среди радикальных «теологов» никому и в голову не пришла мысль: «Если Бог умер, то какой я после этого богослов». Их личным духовным склонностям не была свойственна экзистенциальная озабоченность такого рода. Учиненная расправа над Богом осуществилась достаточно хладнокровно, без излишних эмоций, при помощи теоретического инструментария, который только внешне походил на теологический, но в действительности свидетельствовал о настоящей катастрофе богословия, превращенного новым поколением ницшеанцев в орудие богоубийства.

То, что серию антихристианских опусов Вильяма Гамильтона, Томаса Альтицера, Джона Робинсона, Габриэля Ваханяна, Пола ван Бурена и др. называют теологией, говорит не столько о лингвистической неразборчивости пишущих о них авторов, сколько о богословской нечистоте мышления тех и других. Эта теоретическая неопрятность приводит в данном случае к тому, что в монографиях, сборниках, учебниках по истории современного богословия присутствуют материалы сугубо девиантного характера, чуждые христианскому духу. Почему-то никому не приходит в голову, что в обзорно-аналитических изданиях такого рода следует, вероятно, выделить для них особый раздел — «Девиантная теология XX—XXI веков».

У этой лжетеологии нет ничего общего с подлинной теологией, поскольку в ней теоретическое безверие и практическое богоборчество возведены в принципы конструирования измышляемых понятийных структур, приумножающих не знания, а скорбь.

Слово «смерть»

По отношению к вечному, бессмертному Богу бессмысленны любые рассуждения о Его «смерти». Радикальные «теологи» работали с понятием отрицания, но называли его смертью, хотя эти понятия не тождественны. Поэтому возникла скандальная ситуация, напоминающая известный эпизод из биографии Марка Твена, однажды увидевшего в газете сообщение о своей смерти и пославшего в редакцию телеграмму с опровержением: «Слухи о моей смерти оказались преувеличены. Марк Твен». Представляется похожая сцена, в которой живой Бог, наблюдающий теоретическую суету торпящихся похоронить Его богоборцев, отправляет с небес месседж: «Слухи о Моей смерти оказались преувеличением. Господь».

Слово «Бог»

Истинный Бог-Отец не был у радикальных «теологов» предметом обсуждения. С самого начала Его подменили на вымышленного двойника, наделенного фиктивными качествами и превращенного в легкоуязвимую жертву произвольных теоретических манипуляций. Все та же зловещая поговорка о том, что лучший враг — это мертвый враг, была перенесена на этого двойника. Теоретический муляж был объявлен недругом, переправлен в стан врагов человека, а затем приговорен к устранению, которое осуществили спокойно, деловито, как убирают из гостиной старый рояль, чтобы в ней стало больше свободного места. Конструкторы богоборческой танатологии приложи-

ли немалые усилия, чтобы превратить живого Бога в пугающее подобие вселенского «груза 200».

Понять духовную природу целеустремленных усилий этих субъектов с разорванным сознанием и ампутированной верой помогает один из текстов Виктора Шкловского, где тот говорит о человеке, «у которого взрывом вырвало внутренности, а он еще разговаривает. Представьте себе сообщество из таких людей. Сидят они и разговаривают»³. Люди такого рода, лишенные ясных, упорядоченных духовных оснований внутренней жизни, смертельно травмированные злом мира, несущие в себе внутренние разрывы, несовместимые с нормальной духовной жизнью, могут разговаривать только о смерти. И они, не знающие живого Бога, «сидят и разговаривают», а также пишут о Боге, Которого им нравится воображать мертвым. При этом они «заголяют и обнажают» свою суть: сочиненный ими смыслообраз умершего Бога-Отца выступает однозначным свидетельством их антихристианской, фаустовско-мефистофелевской идентичности.

Двойная fuga теодицеи-теоморта

На исходе эпохи модерности теодицея-богопрославление уступила место теоморту как продукту метафизического произвола, норовящего погрузить Бога в смерть, бытие в небытие, позитивность в негативность. Теодицея еще продолжала существовать, но теоморт все напористее теснил ее. Идея невозможного, но тем не менее состоявшегося убийства Бога-Отца несла в себе запал гигантского философского скандала. Повсеместно, на всех уровнях духовной и практической жизни давал знать о себе взрывоопасный контрапункт между противоположностями — парадигмой христианского завета с живым, бессмертным Богом и парадигмой фаустовской сделки с дьяволом, жаждущим собственного единовластия над миром.

В сверхфуге мирового бытия теодицея и теоморт, сосредоточенные на одной и той же теме отношений между Богом, человеком и злом, составили единую смысловую связку, образовали сдвоенную духовно-интеллектуальную композицию. А она, в свою очередь, вписалась в формальные очертания музыкальной фуги и двухтемного контрапункта.

Этот контрапункт двоящейся мистерии, где теодицея — положительная, оптимистическая духовно-интеллектуальная мистерия богопрославления, а теоморт — inferнальная мистерия с сугубо отрицательным, агрессивно-депрессивным посылом богоотрицания-богоборчества-богоубийства, принял на закате модерности предельно драматический вид. Если теодицея продолжала говорить о том, что Бог поступает с человеком в соответствии со Своей суверенной волей, то теоморт, напротив, стал демонстрировать человека, поступающего с Богом по своему произволу, делающего с Ним все, что ему заблагорассудится, вплоть до убийства. И хотя последнее совершается только в человеческом воображении, Бог воспринимает подобное безрассудное своеволие резко отрицательно и решительно призывает безумцев к ответу.

Теоморт как метафизический жанр, порожденный поздней модерностью, свидетельствует о духовном поражении того человека, который был христианином до тех пор, пока тьма богоотрицания не заволокла пространство его души, а мрак неверия не застлал его ум. Не выдержав натиска демонических сил, он как будто духовно ослеп и оглох, провалился в оглушительную черноту inferнального подполья, куда не проникает Божий свет и где не слышно звучания Божьего Слова. Перестав воспринимать Божий свет и голос, он вообразил, что правы безумцы, утверждающие, будто Бог-Отец «умер», и поместившие Его в сконструированную ими философскую «гробницу» теоморта. Так

³ Шкловский В. Сентиментальное путешествие // Шкловский В. «Еще ничего не кончилось...». М., 2002. С. 142.

возникла особого рода танатология, парадоксальная и одновременно абсурдная, сочинившая для себя мнимый предмет размышлений — смерть Того, Кто бессмертен.

В двойной фуге теодицеи-теоморта присутствуют две отдельные тематические экспозиции. Тема богопрославления, заявленная в Книге Иова, строго регламентирована нормативным духом веры. Во второй экспозиции с заявленной в ней темой богообвинения-богоубийства уже нет места вере, и некому поддерживать внутреннюю дисциплину должного отношения к Богу. Потому все в ней выглядит расшатанным, анархичным, аномийным как в формальном, так и в содержательном смыслах. В основной, свободной части богословской фуги, следующей за экспозицией, теоморт практически полностью оказывается во власти интеллектуального беззакония, режима вседозволенности, где уже не работают никакие сдерживающие духовные ограничители.

Если вера однозначно и твердо указывает на такие вещи, о которых людям даже размышлять не следует, и среди них на первом месте стоит хула Бога, негативное отношение к Нему, то безверие фаустовского человека, возмнившего себя хозяином земли и неба, подталкивает его к любым формам запретного, в том числе к тягчайшему из мыслепреступлений — богоубийству. Секулярный человек долго вынашивал этот план, а затем принялся осуществлять его посредством разнообразных культурных, философских и художественных средств. При этом конструкторы теомортов, как правило, не думают о последствиях своего интеллектуального вандализма и не считают его злом.

Следует признать, что в истории христианского интеллектуализма теодицея и теоморт — наиболее репрезентативные дискурсы, дающие представление о динамике, логике, направленности развития отношений человека с Богом на протяжении предфинальной фазы мировой истории. Если классическая теодицея аутентична библейско-христианской интеллектуальной традиции, то модернистский теоморт, родившийся и утвердившийся в условиях доминирования девиантных интеллектуальных стратегий секуляризма, аутентичен последнему и пребывает в состоянии жесткой оппозиции по отношению к библейско-христианскому опыту.

Если в теодицеях европейское самосознание устремляется в духовные выси богословско-экзистенциальной рефлексии и оттуда обозревает все сущее и должное, то в теомортах оно опускается в подполье полного богоотрицания, закрывает за собой крышку-люк, остается в крошечной тьме, духовно слепнет и глохнет до такой степени, что ему не остается ничего, кроме попыток рассуждать обо всем, что ему приходит в голову, принимая свои безумные фантазии за ценности высокой пробы.

Впечатляет роковой перепад, пережитый человеческим духом и побудивший его на исходе эпохи модерности едва ли не полностью отказаться от экзистенциального жанра теодицеи и отдаться конструированию теомортов. Теоморт начинает выглядеть как теодицея наоборот, превращенная в свою противоположность, вывернутая наизнанку, поставленная с ног на голову. То есть теоморт знаменует собой тяжелейший кризис теодицеи, осуществляет полную переоценку ее ключевых ценностей, радикально переиначивает ее базовые смыслы.

Цветущая сложность христианской теодицеи-богопрославления и гибельная простота модернистского теоморта

Духовный контраст между взаимно исключаящих друг друга парадигм, библейским тезисом классической теодицеи-богопрославления и модернистским антитезисом теоморта-богоосквернения, предстает в виде длинной череды антитез. Вот лишь некоторые из них:

- Бог жив — Бог «умер».
- Бог благ — Бог зол.

- Бог справедлив — Бог несправедлив.
- Бог милостив — Бог жесток.
- Существование страданий оправданно — существование страданий неоправданно и т. д.

За этими лаконичными антитезами просматриваются многосложные композиции всеобъемлющего контрапункта теодицеи-теоморта.

1. Контрапункт ценностных иерархий

Концептуальный ансамбль теодицеи оформился под пером Лейбница как философско-богословская стратегия «оправдания» Бога. При всей спорности практики употребления понятия «оправдания» злу указано его истинное место в иерархии библейско-христианских реалий.

В теоморте все переворачивается, и вместо «оправдания» Бога налицо оправдание предельной формы зла — богоубийства.

2. Контрапункт статусов веры

Теодицея — опорный пункт веры в мировом богословско-философском дискурсе.

Теоморт — опорный пункт сопротивления вере, бастион демонического, нашедший поддержку в стратегиях секуляризма и занявший центральное место в секулярной культуре модерности.

3. Контрапункт оптик восприятия

Теодицея обеспечивает верующего библейской оптикой Иова, позволяющей наиболее адекватно относиться к реалиям миропорядка и к сопутствующим им противоречиям, кризисам и катастрофам.

Теоморт снабжает людей превратной оптикой богоотрицания, отнимающей возможность адекватного миропонимания и успешного ориентирования в реалиях сущего и должного.

4. Контрапункт типов воли

Теодицея — созидательная воля к вере, богоутверждению, богообщению, полноценной духовной жизни, в контексте которой тезис о «смерти» Бога-Отца лишен смысла.

Теоморт — нигилистическая воля к неверию, богоотрицанию, полному разрыву отношений с Богом. Он преподносит идею «смерти» Бога как «откровение» фаустовско-нищеанской мысли, как ценнейшее открытие секулярного рассудка, воодушевляющую истину, способную, подобно ключу, открыть врата в реальность «дивного, нового мира», где новый тип фаустовско-мефистофелевского «сверхчеловека», приветствовавшего богоубийство, будет господином земли и неба.

5. Контрапункт типов духовных оснований

Сила теодицеи в том, что она обращается к духовным основаниям Божьей справедливости, мирового зла и человеческой свободы. Одновременно она выглядит как концентратор духовно-интеллектуальных сил многих поколений мыслящих и верующих людей, нацеленных на штурмы сложнейших проблем отношений между Богом и злом.

Теоморт — это бастион, располагающийся в стане главного Божьего врага, выступающий концентратором, генератором и распространителем всего демонического по пространствам культуры и цивилизации.

6. Контрапункт парадигм мировосприятия

Теодицея — трансгисторическая экзистенциальная парадигма духовно-религиозной, интеллектуально-этической жизни человека на всем протяжении существования мировой цивилизации и культуры.

Теоморт — доминирующая экзистенциальная парадигма позднейшего периода мировой истории, характерная для закатной модерности и ранней постмодерности, пребывающих в состоянии все более углубляющегося духовного кризиса.

7. Контрапункт методологических (методических) принципов

Теодицея строится на предположительном допущении в свой дискурс принципа методического сомнения в благодати и справедливости Творца. Это допущение порождает две рефлексивные реакции — либо его сознательное игнорирование, либо предоставление ему некоторых дискурсивных полномочий, что незамедлительно порождает драматическую динамику полных или частичных преодолений возникших сомнений.

Теоморт построен на принципе методического богоотрицания, полного отвержения стратегических парадигм теоцентризма и теонмии.

8. Контрапункт личностных кризисов

Теодицея — свидетельство личного экзистенциального кризиса верующего человека, который выдерживает трудное для него испытание его веры и выходит из кризиса не разгромленным, а выстоявшим, духовно укрепившимся и возросшим.

Теоморт — свидетельство острейшего личного кризиса, который имеет характер духовной катастрофы, в которой человек не просто терпит поражение, но чаще всего духовно гибнет как христианин.

9. Контрапункт типов предельного опыта

Предельный опыт теодицеи — животворный, воодушевляющий опыт духовных соприкосновений с бесконечностью Божьего бытия.

Предельный опыт теоморта — сумрачный, опустошающий, смертоносный опыт личной причастности к богоубийству, опыт заглядываний в бездонность inferнальной бездны демонического.

10. Контрапункт векторов духовной жизни

Теодицея способна побуждать человека хранить верность Богу и укреплять ее.

Теоморт с его ложью о «смерти» Бога-Отца провоцирует человека на измену Ему, якобы уже не существующему. Подталкивая творение к предательству Творца, теоморт легитимирует переход человека на сторону архиврага, на сделку с личным Мефистофелем.

11. Контрапункт эпохальных модусов отношений человека с Богом

История библейско-христианской теодицеи знаменует самую славную и продуктивную эпоху в истории человеческого духа, его взлет, обусловленный наибольшей приближенностью к Богу.

История теоморта (XIX—XXI века) составляет самую сумрачную главу во всей истории человеческого духа, мировой культуры, социогуманитарной мысли, когда платой за покушение на Бога становится погружение бесчисленного множества людей в состояние глубокой духовной депрессии, готовой принять едва ли не планетарные масштабы.

12. Контрапункт видов прославления

Высокий смысл библейско-христианской теодицеи наиболее полно и точно выражает ключевой принцип Реформации «Soli Deo Gloria» («Вся слава Богу»), предписывающий принимать все совершившееся и совершающееся с твердой уверенностью-верой в то, что на все воля Божья, что любящим Бога, действующим по Его соизволению все содействует ко благу, что вся слава в итоге принадлежит всеблагому и справедливому Господу.

Теоморт предполагает, что человек (секулярный) — истинный «шеф мироздания», что «человек — это звучит гордо», что вся слава принадлежит ему, поврежденному грехом, предавшему Бога, разорвавшему союз с Ним и заключившему фаустовскую сделку с дьяволом.

13. *Контрапункт целей*

Цель теодицеи — признание абсолютного суверенитета и абсолютной справедливости Бога.

Цель теоморта — демонстрация фаустовской модели человеческой свободы без Бога, открывающей путь произволу, вседозволенности, несправедливости, любым формам зла, вплоть до богоубийства и антропофагии.

14. *Контрапункт интеллектуальных жанров*

Теодицея по преимуществу нарративна, повествует о драме человеческого ума и духа, ввергнутых в ситуацию испытания веры, брошенных в гущу травмирующих событий и выбирающихся из них благодаря Божьей поддержке. Она же рассказывает об опасностях духовных кризисов, грозящих всем людям, и о возможных путях их преодоления.

Теоморт символичен. Насыщенный знаками разнообразных катастроф, он использует идею «смерти» Бога для маркировок метафизических контуров небытия, для изъятия человека из мира абсолютных смыслов, безусловных ценностей и норм. Его цель пронизана духом откровенного демонизма — оставить человека одного без Божьей поддержки, подвешенным в пустоте, наедине с дьяволом и смертью, над готовой поглотить его inferнальной бездной.

15. *Контрапункт экзистенциальных жанров*

Теодицея — захватывающий сюжет из духовной жизни человека, выстроенный в соответствии с требованиями жанра экзистенциальной драматургии.

Теоморт — смертельно опасная авантюра секулярного рассудка, гарантирующая ему экзистенциальную катастрофу.

16. *Контрапункт экзистенциальных позиций*

Защитники теодицеи не только отважно бросают вызов небытию и безумию, но и успешно противостоят им.

Апологеты теоморта обслуживают все негативные экзистенциалы, включая небытие, хаос и абсурд. Словесные конструкции их «бесовских текстур» образуют квазидемоническую химеру, похожую на подводную лодку, чей корпус уже торпедирован демоническими стихиями и внутреннее пространство заполняется убийственной тьмой, заставляющей человеческую душу захлебываться и погружаться на inferнальное дно.

17. *Контрапункт духовных ресурсов*

Теодицея — средоточие многовекового позитивного, отрефлексированного духовного опыта противостояния человека демоническим искушениям зла. Это опыт полноценной духовной жизни «под сенью крыл всемогущего Бога», придающий силу и убедительность семантике и аксиологии теодицеи.

Теоморт — негативный богоборческий ресурс полутора-двух последних столетий, не обладающий духовным потенциалом, не имеющий созидательных ресурсов, не укрепляющий, а, напротив, разоружающий, духовно обессиливающий человека в условиях тотальной экспансии зла, побуждающий к капитуляции перед ним.

18. *Контрапункт терапевтичности и травматичности*

Теодицея способна укреплять духовное здоровье личности, служить преодолению негативности первородного греха как первичной и всеобщей антропологической травмы. Она конструктивна, терапевтична, утверждает живую жизнь живого духа, который только потому и жив, что верует в живого и справедливого Бога. Ее смыслообразовательный потенциал обладает свойствами богочеловеческого «волнолома», о который разбиваются накатывающиеся одна за другой волны травмирующих факторов.

Теоморт разрушает духовное здоровье личности. Он не только не позволяет человеку справляться с интервенциями травмирующих событий и ситуаций, но и сам выступает в качестве главного травмирующего фактора. Он деструктивен и разорителен для всех форм духовности, служит источником глубоких экзистенциальных разрывов, угрожающих человеку духовной смертью.

19. Контрапункт экзистенциальных диапазонов

Теодицея обладает необъятным экзистенциальным диапазоном, чья верхняя граница теряется в бесконечной выси трансцендентной реальности Божьего мира.

Экзистенциальный диапазон теоморта заужен до степени минимальной «щели», когда виртуальный «потолок» практически совмещается с виртуальным «дном». В результате ни вера, ни надежда, ни любовь, ни высокие экзистенциальные смыслы не проникают к человеку.

20. Контрапункт сообществ

Теодицея служит системоорганизующим дискурсивным ядром, вокруг которого издавна образовалось мировое сообщество рефлексирующих христиан, интеллектуалов, теологов, философов, литераторов, дорожащих своими отношениями с живым Богом, своей христианской идентичностью.

Теоморт является эпицентром мирового сообщества ярых богопротивников-богоборцев, предрасположенных к проведению опытов по рациональному расчленению виртуального муляжа, который они принимают за «умершего» Бога, и по растлению тех, кто с излишней доверчивостью относится к их «теологиям» «смерти» бессмертного Бога.

21. Контрапункт функций

Теодицея производит смыслы и ценности, оплодотворяющие и обогащающие духовную жизнь человеческого рода.

Теоморт источает безверие, распространяет безнадежность, бессмыслицу, безумие, отнимает у людей желания жить, веровать, мыслить, творить.

22. Контрапункт памяти и амнезии

Дискурс теодицеи строится на идее памятования человеком всего, что говорит Бог, на понимании безусловной значимости, абсолютной ценности, непреходящей актуальности Божьего Слова, всего массива библейско-христианского интеллектуального опыта.

Теоморт с его специфическим языком, местами напоминающим невнятное лепетание безумца, — это провал в беспомыслие, в искусственную, нарочито прививаемую амнезию, в пространство децентрированного дискурса, лишённого внятной, артикулированной эпистемологической структуры, не обладающего эвристичностью, демонстрирующего духовное убожество своих adeptов.

23. Контрапункт двух видов пристанищ

Библейская теодицея — надежное пристанище для христианского духа в его противостоянии искушениям лжехристианства и секуляризма. Она служит системоорганизующим дискурсивным ядром, вокруг которого издавна образовалось мировое сообщество рефлексирующих интеллектуалов-христиан, дорожащих своими отношениями с живым Богом.

Теоморт с его всевластием небытия — урочище безумия, дьявольщины и смерти, прибежище богоотрицателей. Он является эпицентром мирового сообщества ярых богопротивников-богоборцев и тех, кто с излишней доверчивостью относится к их «теологии смерти Бога».